

Ирэн Бург

Кольцо на счастье

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21147316
Мультимедийное издательство Стрельбицкого;

Аннотация

Бойся своих желаний – они исполняются. Рэйчел больше всего хотела жить рядом с отцом: красивым, умным, сильным. Волею судьбы так и случилось. Теперь она богата, принята в высшем обществе, ее жених-красавец – будущий политик. Только почему Рэйчел чувствует себя куклой, которую достают из красивой коробки, когда кому-то хочется с ней поиграть? Нет, она будет играть по своим правилам! Ей претит та ложь, которая ее окружает в доме отца. Она должна вырваться отсюда, она должна решиться на побег.

Содержание

Пролог	4
1	15
2	21
3	26
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Ирэн Бург

Кольцо на счастье

Пролог

Было около восьми вечера, пятница. В небольшом ресторанчике Нового Орлеана собиралась вечерняя публика. Странного вида мужчины и женщины. Они сидели за столиками без скатертей, тихо о чем-то беседовали, и, когда дверь открывалась, кое-кто из них бросал подозрительный взгляд, облегченно вздыхая, если видел знакомое лицо.

Здесь подавали недорогую еду без изысков, пиво, виски и скотч, столовое местное вино. В этом месте всегда дежурили особого типа девицы, которые, поймав добычу, устремлялись по деревянной лестнице наверх, в свои дешевые, пропахшие потом и приторно-сладким запахом туалетной воды комнатки.

Владельцем этого ресторанчика, как и еще нескольких подобных заведений в дешевых кварталах Нового Орлеана, был Бобби Лоу, темнокожий коренастый человек неопределенного возраста. Начинал он свой бизнес с торговли девушками на улице, но когда женился на Лоретте, обрел более весомое положение. Теперь его дело стало менее рискованным, и более прибыльным. А еще, и что, может быть, для него бы-

ло важнее, чем все остальное, он мог наслаждаться комфортом и каждый вечер слушать музыку. Его измочаленная во многих переделках душа расправляла свои крылья и устремлялась ввысь, как только он слышал что-либо стоящее.

Блестящее лаком фортепьяно стояло в дальнем конце полутемного узкого зала. Медноволосая пианистка, склонив голову так, что не видно было ее лица, перебирала клавишами легко, как будто вела неторопливую привычную беседу в кругу друзей.

В полутемный зал, освещенный матовыми светильниками на столах, вошел высокий широкоплечий мужчина в добротном, но не модном костюме. Он помедлил в дверях, оценивая взглядом обстановку. Профессионально улыбаясь, к нему направился коротышка-метрдельник, креол лет пятидесяти с солидными усами, которые украшали его круглое как блин лицо, и выпирающим из пояса светлых брюк животом.

– Добрый вечер. Вы заказывали столик? – спросил он, профессионально приветливо улыбаясь, невольно прикидывая, кем бы мог быть этот посетитель.

На праздношатающегося туриста он не был похож. Темный дешевый костюм, дорогая обувь. Тяжелая шея выпирала из-под расстегнутого воротничка немодной рубашки, галстук отсутствовал.

– Хотите пообедать?

Мужчина приподнял густую темную бровь и пронзил коротышку быстрым колющим, как удар кинжала, взглядом.

– Я буду ужинать, – сказал он таким тоном, что возражать ему не хотелось. Попроси он открыть кассу и достать всю наличность, никто бы и не подумал сопротивляться.

– Желаете присесть у стойки или займете столик? Есть свободный в глубине зала.

Поздний посетитель бросил быстрый взгляд на стойку бара. За ней расположилась группка мужчин, рядом сидела девушка с длинными, обтянутыми светлым капроном ногами и скучающе играла соломинкой в полупустом бокале. Девушка лениво убрала прядь с лица, но, как только ее блуждающий взгляд поймал взгляд вошедшего, вмиг подобралась, закинула ногу на ногу и провела кончиком языка по ярко-алым, будто пропитанным кровью губам.

– Я хочу поужинать в комфорте, бар мне не подходит, – ответил мужчина.

Девушка у бара разочарованно поджала губы.

Усатый коротышка провел мужчину в конец зала. Ловко лавируя между столиками, он профессиональным взглядом продолжал оценивать незнакомца. Тот наверняка был из силовых структур, офицер армии или полиции. Обручального кольца на руке нет. Скорее всего, в отпуске. Одинок, холост, скучает. В тусклом свете ресторанного зала волосы его казались совсем черными, большие крепкие ладони таили угрозу. Метрдотель указал на столик с двумя пустующими стульями и дернул подбородком, что должно было быть воспринятым как вежливость.

– Скотч? Виски? – предложил метрдотель.

– Бренди, бифштекс с кровью, много картофеля.

Его голос невольно заставил метрдотеля поежиться. Низкий, отрывистый. Приказ, не просьба.

Метрдотель суетливо поклонился, и, развернувшись, быстро направился на кухню. Только сделав несколько шагов, он понял, что выполняет не свойственные ему обязанности, отдал заказ официанту, а сам поспешил к бару. Глоток виски привел его в себя, а вышедшая под свет софитов полногрудая женщина с блестящими, как золото волосами пообещала более приятное продолжение вечера.

Златовласка стояла на вспыхнувшем от ярких прожекторов подиуме и выглядела так притягательно, что гул голосов в зале стал смолкать. Все взгляды устремились к ней – пышнотелая, белокожая, с большими, подведенными жирной темной полосой глазами, она как будто выставляла себя на продажу по самой высокой цене.

– Лоретта, милашка! Лоретта, красотка! Привет, лапочка, – раздалось из зала.

Лоретта бережно сняли микрофон со стойки.

– Добрый вечер, – сказала она глухим томным голосом и махнула рукой, будто звала к себе в постель.

– Привет, привет! – отозвался зал.

Акомпаниаторша коснулась пальцами клавиш, Лоретта запела. Зал заморожено слушал хрипловатый голос певицы, и только мужчину за дальним столиком в углу, что потягивал

бренди, чувственный голос явно оставлял равнодушным. Он с удовольствием хрустел хорошо прожаренной картошкой, жевал кровавый бифштекс, а закончив, закурил сигару, откинувшись на спинку кресла. Казалось, его ничего не волнует.

Он заметно оживился, только когда Лоретта закончила выступление. Певица принимала цветы и знаки внимания, девушка, аккомпанирующая ей, собрала ноты, и, сунув под мышку, пошла к выходу.

Мужчина, что так равнодушно воспринимал выступление певички, резко встал со своего места и, в несколько шагов преодолев разделяющее их расстояние, перехватил аккомпаниаторшу у выхода.

– Кейли Сандерс?

Девушка подняла на него глаза. Он не подал виду, как его поразила ее взгляд. У нее были изумительные глаза: ясные, чистые, но таящие загадку, влекущие. В них хотелось смотреть не отрываясь, хотя и становилось страшно, как от высокого неба над высокогорным плато.

Губы девушки дрогнули:

– Мы знакомы?..

– Вилли Дик.

– Чем обязана?

– Прошу уделить мне некоторое время. Буду признателен, если вы окажете мне честь и разделите мой досуг.

– Мистер Дик я не девушка для сопровождения. У меня

был долгий, трудный день. Я устала. Будьте добры, пропустите меня. Я спешу домой. – Она на секунду запнулась. – Меня ждет муж, – сказала она нарочито громко и отчетливо.

Девчонка совершенно не умеет врать, заметил про себя мужчина.

– Ваша сестра ничего не знает о вашем замужестве.

Его реплика заставила ее взволноваться. Она вся как-то напряглась, взгляд выражал смятение.

– Лилит дала мне о вас иную информацию. Вы одинока и... глубоко переживаете за ее благополучие. Ведь так? Вам не безразличная судьба вашей любимой сестры?

– Что с Лилит?.. – выдохнула девушка, и ее бледное лицо пошло красными пятнами.

– Немного терпения, я вам все расскажу.

Он взял ее за руку – пальцы ее были холодны, как лед – и повел за собой в глубь зала, усадил за свой столик.

– Красное вино, – приказал он официанту.

Заказ тут же был исполнен.

Дрожащей рукой девушка поднесла бокал ко рту. Пока она пила, мужчина беззастенчиво разглядывал ее. На ней была тонкая белая в полоску блузка, свежая, без единого пятнышка. На безымянном пальце правой руки он заметил кольцо с крупным камнем. Лицо красивое, с правильными чертами. Выступающие скулы и темные круги под глазами свидетельствовали об усталости и делали ее старше.

– Выступления каждый день? – спросил он. – С утра и о

глубокой ночи? И как давно вы ведете такой образ жизни? Не надоело?

Она пожала плечами. Ее глаза выражали растерянность, а скованные, робкие движения вызывали у него снисходительную улыбку. Ему захотелось увидеть ее лицо при дневном свете. Что-то подсказывало ему, что этот мечущийся взгляд противоречит гармонии всего ее облика. В другое время он давно бы сказал что-нибудь в ободрение, но сегодня вечером он – локти на столе, сцепленные в замок пальцы, полнейшая невозмутимость – смотрел ей прямо в лицо, наслаждаясь созерцанием ее растерянности.

Девушка отставила бокал и привычным движением запрокинула упавшую на лицо прядь волос за ухо.

И вновь его охватило чувственное желание. Такого с ним никогда не было. Он, который в своей жизни сталкивался с немалым количеством кокеток и пустышек, лгуний и притворщиц, вдруг стал плавиться, как воск на солнце, только от одного вида изящной раковины уха с нежной, украшенной жемчужиной мочкой.

– Как поживает Лилит? – произнесла тихим голосом девушка, осторожно ставя бокал на салфетку.

Она сидела, тесно сжав в коленях ноги, вся собранная, напряженная, как пружина. Ее волнение не нравилось ему. Эта выпускница элитного университета зря назвалась сестрой Лилит, той самой мошенницей и воровкой, которая с детства знакома с полицейским участком.

Придется проявить хитрость, чтобы изобличить чистюлю во лжи, – подумалось ему.

– Мы с Лилит приглашаем тебя на свадьбу, – легко переходя на фамильярный тон, сказал он и отметил, с каким недоверием она взглянула на него и тут же опустила глаза. – Хм... Ты, похоже, удивлена. Мы с... хм... твоей сестрой давно встречаемся. Вместе на рыбалку ездим. Велосипедные прогулки, пикники, барбекю и прочее. Как-то мы даже в опере были. Тоск`а.

– Т`оска, – машинально поправила она его и густо покраснела.

– Тоска зеленая. Поют, поют, и мало что понятно. В общем, мы смылись сразу, как только свет зажгли. Лилит ворчала, что я только зря деньги потратил. Ты же знаешь, что она довольно прижимиста, но вообще-то замечательная хозяйка. Вместе мы прожили достаточно, чтобы понять, что вдвоем нам лучше, чем поодиночке. Вот мы и решили пожениться, – с удовольствием продолжал врать он. – Лилит заказала себе платье по каталогу. Не из Парижа, конечно, но тоже недешевое. Мы даже намереваемся нанять специальную службу, чтобы свадьба у нас была как надо... Ну там лимон, цветы в корзинах, гости, вино и торт со взбитыми сливками...

Он наклонился к самому ее уху, и она почувствовала его горячее дыхание. Девушка чувствовала угрозу, опасность, которая шла от него.

– И долго ты будешь слушать всю эту ахинею, а, Рэйчел Макгнот? – прошептал он.

Девушка отпрянула от него, еле сдерживая слезы, внезапно проступившие у нее на глазах.

– Вы ошиблись, я не Рэйчел, я – Кейли... Кейли Сандерс, родилась в Оклахома-Сити... Моя сестра Лилит...

– Связана с шайкой мошенников, которые торгуют поддельными документами, – продолжил он, усмехнувшись. – Лилит пришлось признаться, что она продала тебе фальшивые документы. Ей совсем не улыбается несколько лет провести за решеткой. Надеюсь, и ты не желаешь предстать перед судом за нарушение закона?

– Я ничего плохого не сделала. Просто... Мне нужно было... – залепетала она, но вдруг остановилась и подозрительно посмотрела на него. – А вы кто такой? По какому праву вы задерживаете меня? Вы полицейский? Покажите жетон, – выпалила она и прикусила губу.

Между ними воцарилось молчание, напряженное, выжидательное, взгляды скрестились – кто кого переглядит. Мужчина заметил, как от волнения у нее выступили капельки пота на переносице.

– Мисс Макгнот, у меня к вам предложение. Рэйчел, мы сможем договориться, – неожиданно спокойно сказал он.

Она вдруг нервно рассмеялась.

– Все, что вы скажете, не имеет для меня никакого значения. Не старайтесь понапрасну, я уверена, никаких догово-

ренностей между нами не может быть. Лучше уж обратитесь к тем, кто сидит у стойки бара. Обычно девушки на вечер ожидают свою добычу там.

– А, так значит, вы не отрицаете, что вас зовут не Кейли Сандерс, а Рэйчел Макгнот! – довольно улыбнулся он.

Все-таки он поймал ее. Но праздновать победу ему еще рано. Она использует свой шанс, чтобы улизнуть. Если она закричит, что этот тип домогается ее, то Джимми, который смотрит за порядком в зале, вмиг вышвырнет этого нахала. Вмиг?.. Вряд ли... Мужчина, что так небрежно расположился напротив нее, отнюдь не казался слабаком. Под старомодным, явно тесным в плечах пиджаком угадывалось тренированное мускулистое тело. Каждый его жест, каждое движение говорило о скрытой силе.

– Мне нужно пройти в дамскую комнату, – робко сказала она, приподнимаясь с места.

Он тоже встал.

– Вы что? Неужели вы намереваетесь сопровождать меня до туалетной кабинки?

– Именно так, никак не иначе.

– Может, для верности вы наденете на меня наручники?

– Если не возражаете.

Он сунул руку за полу пиджака. Его губы улыбались, но взгляд был холодным. Она снова опустилась на стул.

– Что вам надо от меня? – со слезами в голосе выдохнула она.

– Только повиновения, детка.

Последние его слова она восприняла, как пощечину. Повиновения?

– Никогда!

Не успела она и пошевелиться, как почувствовала силу его цепких пальцев на своем запястье.

– И все же, Рэйчел Макгнот, вам придется повиноваться. Я выполняю поручение вашего отца, мистера Макгнота. Мне велено в целости и сохранности доставить вас домой. Я понимаю волнение мистера Макгнота. Будь у меня миллионы и такое положение, как у вашего отца, мне бы тоже не понравилось, что моя дочь музицирует в каком-то сомнительном месте.

– Я совершеннолетняя и могу распоряжаться своей судьбой сама. – Рэйчел попыталась высвободить руку, но он сжал ее еще крепче. – Мне больно, – сжав челюсти, процедила она.

– Будет еще больнее, если попадешь в лапы крутым местным мачо. Хочешь, я шепну кому надо, сколько стоит твое колечко? – сказал он, отпуская ее руку.

– Это искусственный камень, – как можно равнодушнее сказала она, невольно любясь игрой света в гранях.

– Девочка изволит шутить?

Его глаза зло блеснули. Он, выросший в приемной многодетной семье и всего в этой жизни добившийся сам, презирал избалованных белоручек, которым все и всегда доставалось даром.

1

Рэйчел

Раннее детство Рэйчел было безмятежным. Ее отец работал, мать была домохозяйкой. Любимые родители боготворили своего ребенка. Она была у родителей единственной дочерью. Отец, красивый, высокий мужчина, был прекрасным семьянином и много времени проводил с женой и дочерью. Летом они ездили отдыхать втроем на океанское побережье, в Рождество наряжали елку и приглашали гостей. Отец восторгался Рэйчел, называл «моя радость», уверял, что прекраснее нее нет никого на свете, и не упускал случая побаловать. В его глазах дочь была самым совершенством: красавица и умница. В тот день, когда девочке исполнилось семь лет, она получила в подарок от отца пианино. К ней на дом стала приходить учительница музыки, и большую часть времени Рэйчел отдавала себя штудированию гамм. Девочка делала несомненные успехи. Родители часто просили сыграть ее что-нибудь, когда в гости приходили его друзья.

— Ну, разве она не умница? — восклицал отец, когда, выйдя из-за фортепьяно, она кланялась гостям. — И к тому же красавица, правда. Да? — не уставал повторять он.

Казалось, он обожал свою дочь больше всех и всего на свете. Рэйчел отвечала ему взаимностью. Дни летели за днями

привычной чередой, складываясь в года. Рэйчел жила своей легкой счастливой жизнью.

Но в один отнюдь не прекрасных дней ее уютный, теплый мирок был безжалостно разрушен. Место отца за обеденным столом оказалось пустым. Рэйчел поймала взгляд воспаленных глаз матери. В них она увидела такую бездну страдания, что испугалась.

– Что с папой? – похолодевшими вмиг губами произнесла она.

Мать закрыла ладонями лицо и разрыдалась.

– Дорогая... твой папа... он... он... не будет ужинать с нами сегодня, – найдя в себе силы, наконец произнесла она, когда справилась с рыданиями.

– Он заболел? – испугалась девочка.

– Нет-нет, он здоров. Просто... Ах, я не знаю, как и сказать... Он, он... он переехал жить в другой дом. – Мать смахнула слезу со щеки.

– Вы поссорились?

– Нет... Да... Я не знаю... Наверное, ммм... мы поссорились.

– Ты его обидела?

– Я?! Как я могла его обидеть? Что ты такое говоришь?

– Тогда почему?

– Я не знаю... я сама ничего не понимаю. И больше ничего не спрашивай. Не мучай меня.

Мать выскочила из-за стола и бросилась вон. Рэйчел услы-

шала только, как хлопнула за ней дверь спальни.

Это мама во всем виновата, решила Рэйчел. Ей было жаль мать, которой придется лишиться не только мужа, но и дочери. Раз ее родители не хотят жить вместе, значит она будет жить с отцом. Он никогда не отдаст свою любимую дочь никому, он сам так говорил. Никогда. Никому. Он не оставит ее даже с матерью.

Дни потянулись за днями. Рэйчел что есть сил старалась как можно больше проводить время за фортепьяно – ведь отец так любит слушать, как она играет! Она ждала. Вот сейчас откроется дверь, красивый, улыбающийся отец войдет в гостиную и ринется к ней. Он будет гладить ее по голове, расцелует в щеки и скажет, какая она молодец. Но шло время, а отец так и не приходил за ней. Мама не разрешает ему встречаться со мной. Может, таким образом она хочет его наказать? Лишить самого для него дорогого – дочери, – твердила себе Рэйчел.

На ее одиннадцатилетие, когда отец так и не навестил ее, Рэйчел решила сама найти его.

Однажды они проезжали мимо высотного здания офиса фармакологической корпорации, и ее мать, горько улыбаясь, сказала:

– Вот здесь твой отец сейчас обитает. Его карьера пошла в гору. Теперь у него есть всё, что он хочет.

Рэйчел хотелось крикнуть: «Как так всё? А я? У него нет меня! Самой любимой, единственной его дочери!». Но,

крепко сжав губы, она промолчала.

На следующий день, вместо того, чтобы идти в школу, она направилась к зданию офиса. От сладко улыбающейся женщины у стойки ресепшен она узнала, что мистер Макгнот не принимает посторонних.

– Я не посторонняя! – крикнула Рэйчел и попыталась прорваться к лифту. Ее поймала охрана и выдворила за дверь. Рэйчел простояла на улице ведь день. Только вечером она мельком увидела стройную подтянутую фигуру отца, когда швейцар распахивал перед ним дверь. Она было ринулась к нему, но остановилась. Рядом с отцом она заметила женщину в модном пальто цвета молодой листвы. Женщина улыбалась ему, он не сводил с нее глаз. Никогда в жизни Рэйчел не видела, чтобы отец так смотрел на ее мать...

Опустошенная, подавленная, она медленно стала спускаться по ступеням. Все кончено, отец никогда не вернется домой. Мама права, он бросил их, оставил ради другой женщины. Ему нет никакого дела ни до своей бывшей жены, ни до единственной дочери. Новая женщина опутала его, околдовала.

Рэйчел оглянулась, чтобы в последний раз взглянуть на отца, и тут он поднял голову.

– Рэйчел, это ты? Дорогая, как ты здесь оказалась?

Большие теплые руки отца окружили ее плечи.

– Здравствуй, папа, – с трудом сдерживая слезы, выдавила она.

– Какая милая девочка, – раздалось рядом.

Рэйчел повернулась на голос и встретила взгляд огромных, серых, чуть навывкате глаз.

– Позволь представить, дорогая, это моя дочь Рэйчел.

– Очень приятно, – протянула женщина. – Милая девочка и, надеюсь, такая же умница, как отец?

Рэйчел задохнулась от смешанных чувств. Она должна была ненавидеть эту женщины, но вместо этого – была восхищена. Высокие скулы, длинные иссиня-черные волосы, с элегантною простотой уложенные в прическу, чувственный мягкий рот. Глаза светятся умом и силой. Вторая жена отца показалась ей сказочно, по-королевски красивой. И все же даже ради самой идеальной женщины он не должен был бросать их с мамой! Обида сжала ее горло, из глаз потекли слезы. Отец вытер ее лицо своим большим, пахнущим чем-то очень приятным платком и, взяв за руку, довел до своей машины. Усадив на заднее сиденье, сел рядом. Его жена была отделена от них спинкой переднего сиденья, Рэйчел не видела ни ее безупречно чистого лица, ни гладкой прически, при пронзительных темных глаз и была почти счастлива.

Ее пригласили в дом. Это было двухэтажное здание с колоннами в колониальном стиле, с узкими окнами, натертым до блеска паркетом и старинной картиной на стене гостиной. Жена отца говорила с ней ровным, мелодичным голосом, и Рэйчел было трудно понять, как она отнеслась к ее появлению.

Рэйчел несколько раз бывала в новом доме отца, пока тот не переехал в Вашингтон. Она с матерью остались в Далласе.

Вскоре ее мать, которая так и не нашла в себе силы жить, тихо скончалась в своей постели. Передозировка снотворного стала причиной смерти, и только Рэйчел знала, что ее мать умерла от разбитого сердца.

В тот момент, когда она смотрела на гирлянду искусственный цветов, украшавшую последнее ложе ее несчастной матери, девочка наглухо закрыла доступ к своему сердцу. И когда она переехала к отцу, между ними уже не возникло никаких теплых чувств.

2

Фрэд

Фрэд Макгнот – мультимиллионер, управляющий и совладелец фармацевтической компании, один из влиятельнейших людей в штате слыл счастливчиком. После второй женитьбы, когда его ум и воля слились с капиталами семьи Донны, он смог достичь многого, о чем когда-то мечтал. У него был шикарный пентхаус в центре Вашингтона и вилла за городом, парк автомобилей и когорта слуг, коллекция антиквариата, вертолет и еще много чего необходимого и совсем не нужного. Одно его огорчало – Донна так и не родила ему наследника.

Его вторая жена обладала множеством достоинств: красотой, которая с годами приобрела еще большую силу, очарование, мудрость, такт. Благодаря капиталам и влиянию тещи, Фрэд Макгнот буквально взлетел по карьерной лестнице. Начал он начальником отдела и спустя шесть лет, когда тещь ушел в мир иной, Фрэд возглавил корпорацию.

Главный жизненный принцип, которому он следовал, был крайне прост: ставить на лидера. Как хорошая охотничья собака, он нюхом определял самых перспективных сотрудников, и успехи корпорации во многом зависели от правильно подобранной команды.

В последнее время Фрэд Макгнот все чаще задумывался над тем, чтобы расширить свое влияние на политическом поле. Он решил выдвинуть Николса Слоутсона, считая его восходящей звездой на политической арене. Возможная женитьба Николса на его дочери была в глазах Фрэда дополнительным преимуществом.

Впервые глава корпорации познакомился с Николсом, когда тому довелось выступать в суде в защиту корпорации. Тогда Николс в составе команды адвокатов сумел как орешки расщелкать все претензии истцов в отношении якобы неэффективного лекарства. За время работы над делом Николс Слоутсон сумел произвести на Фрэда хорошее впечатление. Находчив, умен, хорошо образован. Он обладал внешностью киногероя – открытый взгляд, чистое лицо, ладная фигура – и особым обаянием, как магнитом притягивавшее людей.

После победоносного завершения судебного процесса Фрэд Макгнот пригласил Николса на обед в респектабельный, очень модный и дорогой ресторан. За столом велась легкая, ни к чему не обязывающая беседа, и молодой человек даже не подозревал, какому тщательному анализу подвергается его каждая фраза, каждый жест.

После приема, когда супруги Макгнот поднялись в свою спальню, Донна, расчесывая у зеркала свои длинные черные волосы, как бы вскользь сказала:

– Дорогой, тебе не кажется, что Николса Слоутсона стоит познакомить с Рэйчел? Николс хорош собой и знает, что

нужно делать в этой жизни. Рэйчел сможет с ним чувствовать себя вполне комфортно. Он для твоей дочери будет прекрасной партией. Как ты считаешь?

– Я подумаю, – с удовольствием растягиваясь на свежих чистых простынях, ответил супруг.

– Ты не против, если я приглашу эту восходящую звезду к нам за город? Рэйчел, как я полагаю, до сих пор безотлучно обитает на вилле? Ей пора бы встряхнуться. Сломанный палец, тем более на левой руке, не повод для трагедии.

– Ты не права, Донна, – заметил Фрэнк, гася лампу на своей прикроватной тумбочке. – Для Рэйчел – это действительно трагедия. Теперь ей придется навсегда проститься с мечтой о профессиональной карьере пианистки.

Донна оглянулась на него. Ее муж стремительно приближался к своему шестидесятилетию. Мудрость и опыт сделала его лицо еще более притягательным, но тело уже заметно одряхлело. Неужто он стал еще и сентиментальным?

– Не всю же жизнь рыдать над утраченными возможностями! – с раздражением в голосе заметила она. – Пора Рэйчел подумать о будущем. Что может быть для нее лучше, чем стать женой значимого в обществе человека? Как мне представляется, Николс с его амбициями и умом, конечно, благодаря твоей поддержке, лет через пять-десять вполне может взойти на политический Олимп.

– Продолжим этот разговор завтра, дорогая, – зевая, отозвался Фрэнк. – Иди скорей в кровать, ко мне под бочок.

Я соскучился...

Более чем десятилетний брак не изменил его чувств к ней. Фрэнк любил свою вторую жену любовью настолько естественной, как воздух, которым дышал: чистый, охлажденный кондиционером и напоенный ароматами ее духов.

– Подожди немного, дорогой, я еще должна принять ванну.

Донна с еле заметной улыбкой отвернулась к зеркалу. Своей внешностью она пока не разочарована. Здоровый образ жизни, тщательный уход и небольшая пластическая операция – никто ей не даст больше тридцати.

Когда она вернулась из ванны, благоухающая легкими ароматами парфюма, взбудораженная мыслями о близости, она застала Фрэнка спящим, и это ее обидело. Она любила заниматься любовью, наслаждаться ласками, объятиями, ощущать крепость мужского естества внутри себя. Неужели она порочная? Когда-то муж так ценил ее чувственность... Во время медового месяца ее сначала шокировали его частые порывы сексуальности, а потом она сама стала в них нуждаться. Она даже немножко гордилась, что оказалась такой способной ученицей в искусстве эротических забав. Однако с годами Фрэнк стал предпочитать платоническую любовь телесной. Но она еще достаточно молода, чтобы в ней угасла чувственность. И она слишком хороша, чтобы вести жизнь монахини. Хороша и привлекательна. Не даром же ее не оставляют своим вниманием мужчины, гораздо моложе

ее. Вот и Николс Слоутсон отдает должное ее прекрасно сохранившемуся телу. Неужто этот «вундеркинд» по-настоящему в нее влюблен?..

3

Николс

Рэйчел вошла в гостиную. На ней было маленькое черное платье, которое настолько хорошо сидело на ее фигуре, подчеркивая все ее достоинства, что, казалось, специально было создано для нее. Мягкий свет лился из боковых ниш потолка, освещая Николса Слоутсона, уютно устроившегося на мягком низком диване в глубине комнаты.

– Добрый день, – равнодушно-вежливым тоном сказала она, подойдя ближе. – Ты один?

– Теперь с тобой, – ответил Николс, вставая и протягивая ей руку. – Идем сюда, присаживайся рядом.

Но Рэйчел, только кивнув в его сторону, отошла к столику с лампой. Не сводя глаз с отбрасываемого абажуром круга света, в котором блестел сусальной позолотой корпус антикварных часов, она вся сосредоточилась на движении длинной стрелки, которая неумолимо приближалась к отметке двенадцать. Раздались мелодичные звуки.

– И сто лет назад кто-то слышал эту мелодию, – задумчиво произнесла она.

– Н-да, старинные часы... Выбор миссис Макгнот, я полагаю?

Откинувшись на спинку дивана, Николс разглядывал де-

вушку: стройные ноги, плоский живот, красивой формы грудь, узкие запястья покрытых легким загаром обнаженных до локтя рук, голову с тяжелыми, льющимися волнами по спине волосами.

Он почувствовал, как желание охватывает его, и удивился. Послеобеденный час он провел с ее мачехой, и она не давала ему спуска. Донна – замечательная любовница, но уж очень требовательна. Да и не безопасно иметь в любовницах жену своего босса. Но именно Донне он обязан тому, что Фрэнк Макгнот обратил на него внимание. И все же как усложнила ему жизнь связь с ней!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.